

Publikuota: A. Бумблаускас. Деление наследия Великого Княжества Литовского: взгляд на Могилев из Кретинги // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Зборнік навуковых прац VII Міжнароднай навуковай канферэнцыі 29–30 чэрвеня Магілёў, 2011. С. 313–321.

Деление наследия Великого Княжества Литовского: взгляд на Могилев из Кретинги

Проф. др. Альфредас Бумблаускас
(Вильнюсский университет)

Толчком к написанию этого текста послужили воспоминания с восьмидесятих годов прошлого века. Тогда, листая сборник трудов знаменитого польского историка Г. Ловмянского по истории Великого Княжества Литовского¹, я не мог избавиться от первоначального удивления: в сборник вошли крупные тексты (написанные в конце 1930-х годов) по истории Могилева XVI–XVII в.в. Но почему статьи посвящены Могилеву, а не Вильнюсу или Каунасу, не другим белорусским городам Полоцку, Бресту или Гродне?

Из этих работ Г.Ловмянского мы узнали об экономическом потенциале, который позволил Могилеву стать конкурентом даже столице ВКЛ Вильнюсу. Теперь мы знаем, что для великого гетмана ВКЛ в начале XVII в. Яна Кароля Ходкевича его владения в Кретинге (Карольштадт²) и Скуодасе (Йоханисберг³) в самой западной части Жемайтии, так же как и его владения в Шклове и Быхове на Могилевщине были частями одного культурного пространства с европейским городским правом.

И все-таки Могилева, как и вообще восточных белорусских земель, в историческом самосознании Литвы не было, нет и по сей день. С другой стороны, осмелюсь сказать, что в белорусском историческом самосознании нет Кретинги, как и Жемайтии вообще, конечно, если не считать крайне странных интерпретаций о Вильнюсе, «оккупированном жемайтийцами», не имеющих ничего общего с научным подходом к истории Жемайтии.

---

¹ H. Łowmiański. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983: „Struktura gospodarcza Mohylewa w czasach pomiaru włócznej“ (1939) – с. 466–506; „Handel Mohylewa w XVI wieku“ (1938) – с. 507–530.

² В 1609 г. Ян Кароль Ходкевич предоставил Кретинге магдебургское право и назвал город в свою честь Карольштадтом (Karolstadt).

³ Скуодас получил магдебургское право от отца Яна Кароля – Яна Еронимовича Ходкевича в 1572 г. И был назван Йоханисбергом (Johanisberg).

Цель моего доклада – поднять вопросы о причинах наличия вышеупомянутых пробелов в историческом сознании соседних народов и о том, как найти выход из сложившегося положения, чтоб увидеть Могилев, Вильнюс и Кретингу частями того же долговечного исторического региона.

1. Национализм и его „большие нарративы“

Начнем с иронии Тимоти Снайдера (Timothy Snyder)⁴ по поводу того, что национальные истории Польши, Литвы, Беларуси, Украины и России начинаются в средние века и будто бы непрерывно продолжаются по сей день⁵. Так в разных национальных школах исторической мысли региона имеют место разные попытки вместить историю ВКЛ в различные модели национального сознания и исторический синтез.

Создавать синтезы истории народов и развивать национальное общественное сознание – это благое дело! Но почему столь много войн «за честь и славу» своих наций при тех самых методологических позитивистских подходах исторических школ воюющих сторон? Или может быть не с «объективными» картами в руках шли войны в бывшей Югославии в мечтах о великой Сербии или Хорватии?

Для сравнения: достаточно окинуть взглядом на этнографические карты Виленского края начала XX в. Для части польских картографов и историков этот край был краем, где господствует польский язык, для белорусов – белорусский, а литовцы, забывая о славянизации края, отвечали картами, нарисованными исходя из историко-культурной аргументации – господства католицизма⁶.

---

⁴ T. Snyder. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus. 1569-1999*. Yale, New Haven, London 2003.

⁵ Там же, с. 3: “National histories of Poland, Lithuania, Belarus, Ukraine, or Russia usually begin with the medieval period, and trace the purportedly continuous development of the nation to the present.”

⁶ Сопоставляем для сровнения три карты. Польский подход: Marian Świechowski. *The ethnographical and political card of the territories of the old Grand Duchy of Lithuania // Poland and Lithuania: the question of Wilno*. Warsaw, 1921. Белорусский подход, основанный на работах Й. Карского: Lubor Niederle. *Národopisná mapa Slovanstva // Lubor Niederle. Slovanské starožitnosti*. Praga, 1902-24 (Ср.: *Этнографическая карта славянского мира*. Составлена профессором Л. Г. Нидерле. Москва, 19... // Е.Е.Ширяев. *Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах*. Минск, 1991, карта 32). Литовский подход: J. Gabrys. *Carte Ethnographique de L'Europe / Librairie des Nationalités rue Caroline*. Lausanne, 1918 // *Lietuva žemėlapiuose*. Vilnius, 2002, p. 168–169.

Тут не место говорить о методологической ограниченности традиционного объективизма и историзма. Обратим внимание на теорию нарративов, выведенную французским мыслителем Ж. Ф. Лиотаром (Jean-François Lyotard)⁷.

Оказывается, что в основе каждого крупного синтеза можно найти идеологические парадигмы, которые французский мыслитель назвал Большими нарративами или Метанарративами (франц.: *méta récits, grands récits, maître-récits*; англ.: *metanarratives, grand narratives, master narratives*; нем.: *Metanarrativen, Groß Erzählungen, Meistererzählungen*).

Большим нарративам дается определение коротких драматических рассказов, представляющих долговременные пути развития и идеологический посыл со ссылками на конкретное действие. Они соединяют научные исследования с образами исторического общественного сознания и, апеллируя к эмоциям, служат формированию коллективного идентитета⁸.

Ж.Ф.Лиотар говорил о коммунистическом, националистическом и либеральном нарративах и их ограниченности, считал, что Большие нарративы тотально исключают друг друга, что в постмодернизме они должны уступить место Малым, скромным или локальным нарративам (*petits récits*). Все-таки, кажется, что коллективные идентитеты не могут обойтись без нарративов, но для этого создаются «многоперспективные» нарративы, например, концепции «мест памяти»⁹.

В то же время, историки нашего региона, занимаясь благим делом формирования национальных идентитетов (особенно актуальных после крушения коммунизма), не обращают внимание на «подсознательность» метанарративов. На этой основе можно говорить не о сотворении новых, а о возрождении старых метанарративов, которым

---

⁷ Первым о „Больших нарративах“ начал писать французский мыслитель Ж. Ф. Лиотар (Jean-François Lyotard): J.-F. Lyotard. *La condition postmoderne: rapport sur le savoir*. Paris, 1979.

⁸ A. Megill. Grand Narrative and the Discipline of History, in: F. Ankersmit, H. Kellner (Hg.), *A New Philosophy of History*, Chicago, 1995, S. 151–173; Konrad H. Jarausch, Die Krise der nationalen Meistererzählungen: Ein Plädoyer für plurale, interdependente Narrative, in: Jarausch, Konrad H., Sabrow, Martin (Hg.). *Die historische Meistererzählung. Deutungslinien der deutschen Nationalgeschichte nach 1945*. Göttingen, 2002, S. 142.

⁹ Наиболее известные концепция: P. Nora. *Les lieux de mémoire*, T. 1: *La République*, Paris, 1984; T. 2: *La Nation - Héritage, historiographie, paysages*, 3 vol. Paris, 1986; T. 3: *Les France - De l'archive à l'emblème*, 3 vol. Paris, 1993 (Русский вариант: *Франция – Память*. Санкт Петербург, 1999); P. Nora. *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Vol. 1–3. New York, 1996–1998; P. Nora. *Rethinking France: Les Lieux de Memoire*, Vol. 1–4. Chicago, 2001–2010; *Deutsche Erinnerungsorte* / Hg. E. François, H. Schulze, B. I-III, München, 2001–2002.

свойственен национализм начала XX в., который исследователи называют этнонационализмом.

Российская и польская историографии начали делить историю и наследие Великого Княжества Литовского уже в XIX столетии, считая простор ВКЛ простором борьбы цивилизационных «начал» Польши и России. После подавления восстания 1863 г. Виленский генерал-губернатор Михаил Муравьев создал комиссию, которая должна была упорядочить Музей древностей, который до того, как считал М.Муравьев, делал акцент на польскости «Северо-Западного края». Экспонаты должны были быть поделены по четырем категориям: «русские», «литовско-русские», «общенаучные» и «польские»¹⁰.

По сей день в российской историографии, по мнению некоторых исследователей, нет развитого дискурса об исторической «субъектности» Белой Руси и Украины, а тем самым не различается «руськость» ВКЛ от «русскости» или «российскости» Московии и России. Даже сегодня в польской историографии «Польша Ягеллонов» иногда берет начало от Кревского договора 1385, а «Польша Речи Посполитой» появляется сразу после Люблинской унии¹¹.

В начале XX в. в разделе наследия ВКЛ объявились литовцы и белорусы. Хотя частью идеологии и мифологии литовского национального возрождения стал образ древней Литвы, как государства «от моря до моря», реально даже столицы ВКЛ Вильнюс и Тракай оказались за чертой реального познания, потому что в 1922 г. были присоединены к Польше. И хотя сегодня литовцы перешагнули рубежи и нынешней, и давней этнической Литвы, и даже на конях достигают Черного Моря, до интегрального понимания истории и наследия ВКЛ им еще очень далеко. Тем самым далеко и до Орши, Могилева и Мстиславля.

Наконец, надо говорить и о белорусском этнонационалистическом нарративе, в котором за литовцами признается лишь территория на запад от реки Нявежис – историческая Жемайтия времен ВКЛ. Научные работы Г. Галенченки, И. Марзалюка, В. Насевича и др. показывают, что существует и альтернативный нарратив, но все-таки вопрос Жемайтии требует специального рассмотрения.

---

¹⁰ D. Staliūnas. Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam, New York, 2007, p. 71–129; Д. Сталюнас. Межы ў памежжы: беларусы і этналінгвістычная палітыка Расейскай імперыі на заходніх ускраінах падчас Вялікіх рэформаў // *Arche*, 2009, nr. 9, с. 175–202.

¹¹ См. н.п.: *Ilustrowany atlas Polski: nasza ojczyzna, mapa, informacje, krajobrazy*. Warszawa, 2002, p. 74–77.

2. Несколько заметок по вопросу Жемайтии (Жамойци)

Вопрос Жемайтии (Жамойци) в истории Могилева мог бы иметь только экзотические оттенки. Самая западная окраина ВКЛ с единственным узким выходом государства к Балтийскому морю, где нет портов, а в Паланге находится лишь обросшая легендами гора-могила матери великого князя литовского Витовта Бируте, в честь которой ритуалы поклонения фиксируются уже в XVI в. (М. Стрыйковски).

В этом веке рядом – в Кретинге и Скуодасе – обосновываются и Ходкевичи, родом от Супрасля, Заблудова и Городка. В нашем контексте такие знания о Жемайтии были бы недостаточными, если бы не концепции некоторых белорусских историков, отождествляющих «жемайтийскость» с традициями государственности всей Литвы в XX веке, и присваивающих «литовскость» истории Беларуси.

Обычно академический подход к истории Жемайтии, как в литовской, так и белорусской историографии, оканчивается на описании староства или княжества Жемайтии в XV–XVIII веках. Но такой подход не ставит вопроса о генезисе этнонима и его соответствии историко-политическим реалиям XIII–XIV вв. и еще более ранних доисторических периодов. Белорусские историки обычно делают акцент на некотором противопоставлении литовцев и жемайтийцев в источниках XIII–XIV вв., и обходят вниманием те источники, которые говорят о жемайтийцах, как о части литовского этноса.

Автор Ливонской рифмованной хроники прямо говорит, что жемайтийцев иначе можно назвать литовцами¹². Около 1290 г. магистр Ливонии, координируя военные действия против Литвы, в письме магистру Пруссии просит его напасть «на литовцев, а именно жемайтов»¹³.

В XIV в. это повторяет Герман Вартбергский¹⁴. Наконец, Витовт прямо объясняет этноним Жемайтии литовским словом «žemai» (ниже), Жемайтия – это часть Литвы, которая

---

¹² Livländische Reimchronik. Hrsg. von L. Meyer. Paderborn, 1876: „den Lettowen / die Sameiten sin genant“ (с. 103, строки 4466-4467); „Die Lettowen al zu hant, / die Sameiten sint genant“ (с. 125, строки 5445-5446); „von Sameiten ein her gerant, / die sint ouch Lettowen genant“ (с. 228, строки 9965-9966).

¹³ Preußisches Urkundenbuch. B. 1. Hälfte 2. ed. A. Seraphim. Königsberg, 1909, nr. 568, с. 355: „producere exercitum contra hostes Lettowinos videlicet de Sameyten“.

¹⁴ Hermannii de Wartberge Chronicon Livoniae / hrsg. von E. Strehle // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 2. Leipzig, 1863, с. 75: „contra Letwinos in Sameythen“.

лежит ниже Аукштайтии (от слова aukštai – выше)¹⁵. Значит, тут мы имеем дело не с «неясным этносом», каким он был объявлен в концепциях, отождествляющих белорусов с литовцами.

Те же источники с другой стороны ясно различают Литву от гродненской или новогрудской земель. Как в литовской, так и в белорусской историографии никто не обращает внимания на концепцию, выдвинутую в начале XX в. знаменитым польским историком О. Халецким¹⁶.

Он обратил внимание на искусственность пределов Троцкого воеводства – его узкая форма на севере не объяснима административными нуждами, в то же время соседствующая с ним Жемайтия кажется как бы вырезанной из него. Значит, Жемайтия когда-то должна была принадлежать Троцкой земле. А это еще раз может доказать, что Жемайтия – это часть Литвы. Только многочисленные записи Жемайтии немецким орденам правителями Литвы Миндовгом, Ягайлой и Витовтом отрезали ее от Троцкой земли, обозначив границу между ними по реке Нявежис, что как раз и сформировало относительную раздельность Жемайтии в XV в.

Интересно, что в XVII–XVIII вв. картографы путали восточную границу Жемайтии с восточной границей Троцкого воеводства. Эти картографические ошибки уже специально развивала администрация Российской империи. В 1842 г. Жемайтия была включена в новосозданную Ковенскую губернию, которая за счет Виленской губернии простиралась далеко на восток. Когда после восстания 1863 г. столица Жемайтийского дицепа была перемещена из Варняй в Каунас, простор Ковенской губернии начал отождествляться с Жемайтией. Простор до Браслава в теперешней Беларуси! Это обстоятельство уже в конце XIX столетия радовало польских и белорусских этнонационалистов, которые создали концепцию, различающую Литву и Лету / Жемайтию. Сегодня эта дистинкция нравится и функционерам, и идеологам «жемайтийской» партии в Литве. Они, ссылаясь на сумасшедшие исторические концепции, забывают, что сегодняшняя жемайтийская

---

¹⁵ Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1376–1430, ed. A. Prochaska. Kraków, 1882, p. 466–467: „terra Samaytarum <...>, que etiam est et semper fuit unum et idem cum terra Lythwanie, nam unum ydeoma et uni homines. Sed quod terra Samaytarum est terra inferior ad terram Lythwanie, ideo Szomoyth vocatur, quod in lythwanico terra inferior interpretatur. Samoyte vero Lythwaniam appellant Auxstote, quod est terra superior respectu terre Samaytarum. Samagitte quoque homines se Lythwanos ab antiquis temporibus et nunquam Samaytas appellant, et propter talem ydemptitatem (sic) in titulo nostro nos de Samagicia non scribimus, quia totum unum est, terra una et homines uni.“

¹⁶ O. Halecki. Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków, 1916, s. 25–31.

идентичность опирается на очень специфический диалект, в субстрате которого лингвисты находят куршский язык, а историки не причисляют этот регион (с Палангой и Кретингой) в XIII в. к Жемайтии. Однако это не становится преградой жемайтским этнонационалистам претендовать на всю историческую Жемайтию до Нявежиса, где они, наверное, мечтают встретиться с белорусскими побратимами.

3. Как склеить «осколки разбитого зеркала»?

Сегодня становится банальностью говорить о том, что Великое Княжество Литовское было государством многоконфессиональным и многокультурным. Такой образ, который начали создавать в либеральной польской историографии (как феномен «польской толерантности» в стране «без костров»), постепенно проникает и в западную историографию¹⁷, является хотя бы контекстом проблематики так называемой религиозной толерантности.

Одна из важнейших причин многоконфессиональности/толерантности ВКЛ – ее многочисленное православное население, с которым должно было считаться господствующее в государстве католичество.¹⁸ Значит, мы имеем дело с феноменальным государством, сумевшим интегрировать десять конфессий и, путем унии с католичеством, привлечь к себе столь многочисленное православное население.

ВКЛ непостижима через узкое понимание современного раздела наследия, которое российский историк А. Филюшкин образно назвал взглядом «в осколки разбитого зеркала»¹⁹. Так как склеить эти «осколки»?

Первый способ решения вопроса на методологическом и теоретическом уровне: помнить, что старые общества и народы отличаются от современных обществ во всех школах

---

¹⁷ См. н. п. студию французского историка Жана Берингера по феноменам толеранции в европейской истории: J. Bérenger, *Tolérance ou paix de religion en Europe centrale (1415-1792)*, Paris, 1999. Специальная версия этой работы для польских читателей: J. Bérenger, *Tolerancja religijna w Europie w czasach nowożytnych (XV-XVIII wiek)*, tł. M. Forycy, Poznań, 2002.

¹⁸ По проблеме феномена многоконфессиональности ВКЛ в европейском контексте см. мою статью: А. Bumblauskas. Multikonfessionalität des Großfürstentums Litauen im europäischen Kontext // *Jahrestagung 2004 / Litauisches Kulturinstitut. Lampertheim*, 2005, p. 29–46.

¹⁹ А. Филюшкин. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого Княжества Литовского // *Ab Imperio: Исследование по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*, 2004, 4, с. 561–601

постисторизма - как в марксистской историографии, так и во французской школе «Annales», в немецкой «Sozialgeschichte», и вообще в исторической и культурной антропологии. Современные литовцы даже этнополитически отличаются от литовцев времен Витаутаса и Мажвидаса. Современные белорусы отличаются от белорусов времен Цамблака и даже Скорины. Кроме того, надо усваивать теорию Больших нарративов (повествований) с понятием краха коммунистического нарратива, ограниченности националистического, христианского и даже либерального нарративов. Эта концепция объясняет модели коллективной подсознательности исторической мысли.

Второе: актуальность нового подхода в исследованиях этнической идентичности в XIX–XX вв. Концепция, основанная великим польским историком Юлиушем Бардахом²⁰, получила развитие (особенно в изучении наследия Михала Рёмера) как в Польше (Я. Юркевич²¹), так и в Литве (Р. Микнис²²) и Беларуси (А. Смаленчук²³). О тезисе Чеслава Милоша, что он был последним гражданином Великого Княжества Литовского, вероятно, многие слышали. Оказывается, можно говорить о целой традиции.

На этой основе Г. Виснер начал писать о «двух народах литовских»²⁴, а К. Буховски²⁵ – о конфронтации «старолитвинов» и «младолитвинов» на рубеже XIX и XX вв.. В контексте белорусистики особенно важно новейшее исследование Д. Шпопера²⁶ о «старолитвинке» из Пинска Констанции Скимунт, которая идентифицировала себя как «gente lituana, natione lituana».

Представлю здесь мысли менее известного виленского публициста Юзефа Мацкевича, высказанные им в 1940 г., изложенные позже в 1954 г. (в парижской «Культуре»). Он

---

²⁰ J. Bardach. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988.

²¹ J. Jurkiewicz. Rozwój polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w latach 1905-1922, Poznań 1983; J. Jurkiewicz. Demokraci wileńscy w latach 1905-1914 (Zarys działalności politycznej) // Acta Baltico-Slavica XV, 1983, s.157-173; J. Jurkiewicz. Rozwój polskiej myśli politycznej w latach 1905-1922. Poznań 1988.

²² Н.п.: R. Miknys. Литва і Беларусь. Прыпыты дзяржаўнасці у пачатку XX ст. // Беларусь паміж усходам і заходам, ч. 2 (Беларусіка Albaruthenica, 6), Мінск, 1997, с. 249–256; Idem. Historiografia litewska wobec problemów narodowościowych w pierwszej połowie XX w. // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku, pod red. K. Buchowskiego i W Ślęczyńskiego, Białystok, 2003

²³ Смаленчук А., Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917. Гродна, 2001. (выдание 2-е, дапрацава. – Санкт-Пецярбург, 2004).

²⁴ Wisner H. Litwa: dzieje państwa i narodu. Warszawa, 1999. с. 132–147: раздел „Dwa narody litewskie“.

²⁵ K. Buchowski. Litwomani i polonizatorzy: Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku. Białystok, 2006;

²⁶ D. Szpoper. Gente lituana, natione lituana: myśl polityczna i działalność Konstancji Skirmuntt (1851–1934). Gdańsk, 2009.

выразил сожаление, что все – это, в частности, относится к полякам и литовцам - хотят отхватить большой кусок наследия Великого Княжества Литовского, но никто не заботится о целом. Иногда кажется, что эти идеи можно рассматривать как завещание Великого Княжества Литовского.²⁷

Третье: актуальность конкретных эмпирических исследований мультикультурализма и интеграционных процессов в обществе Великого Княжества Литовского. Не стоит бояться тем «русской стороны» или «*civitas ruthenica*» в Вильне, о литовской колонизации Черной Руси и в направлении Днепра, на что указывают волости восточной Беларуси (Бобруйск или Борисов), управлявшиеся «наполовину» не только прямо из Вильны и Трок, но и языческие острова Гайна (вблизи Минска) и Обольцы (рядом с Оршой, Смалянами и Толочином), обнаруженные во время крещения Литвы и попавшие в семерку первых католических приходов, основанных Ягайлой.

С другой стороны, нужно исследовать процессы конфессиональной интеграции, генезис которых можно увидеть уже в политике Витовта, создавшего в Вильне собор и даже целый город для митрополита Григория Цамблака, который был послан в 1417–1418 г. с миссией церковной унии на собор в Констанцу. Последовательно развивать исследования так называемого «политического народа» ВКЛ с его сложными формулами этнополитического самосознания «*gente polonus, natione lituanus*» (лишь с XIX в. знаем обратную формулу – «*gente lituanus, natione polonus*») или «Ліцвіны русскага рода», еще иначе – «Ліцвіны грэцкага закону людзі»²⁸, известные с XVII в.

---

²⁷ J. Mackiewicz O pewnej, ostatniej próbie i o zastrzelonym Bujnickim // *Kultura*, 1954, nr. 11 (85): *Historia jest bardzo długa i bardzo zawiła. Chodzi o to, że ongiś, dawno, było państwo nie tyle bogate, co wielkie i, jak na mój gust, piękne, pod nazwą Wielkie Księstwo Litewskie. I oto raptem wszyscy wyrzekli się po nim sukcesji. Podręczniki historii pouczają nas, że rozbioru Rzeczypospolitej Obojga Narodów dokonały Prusy, Rosja i Austria. Co do Księstwa Litewskiego, to tragizm jego sytuacji polegał na tym, że niezależnie od administracyjnego podziału narzuconego z zewnątrz przez imperium rosyjskie, dokonywał się rozbiór wewnętrzny, niejako w drugiej płaszczyźnie, a właściwymi rozbiorcami stali się Polacy, Litwini i Białorusini. Sukcesor do całości się nie zgłosił. Po prostu nie było takiego. Każdy chciał tylko urwać dla siebie kawałek. Gdyby się pogodzili ze sobą, jak Prusy, Rosja i Austria, byłby może spokój. Niestety pogodzić się nie chcieli. Stąd wynikł spór narastający w walkę otwartą o języki, o kulturę, o tradycję, o interpretację historii, o religię. Bój prowadzony był też i na pięści, na pałki po kościołach i cerkwiach świętych, na noże, na holoble, na pistolety, aż w końcu, podczas ostatniej wojny, na donosy po urzędach Gestapo czy NKWD. Nienawiść, według wszelkich praw natury, rodziła nienawiść.*

Istniał też punkt szczytowy tych wzajemnych pretensji: terytorium, na którym ze szczególną namiętnością krzyżowały się wyciągnięte pięści, mianowicie obszar Wilna, niegdyś stolica całości. Objaw zrozumiały. Kto parceluje majątek, chciałby zawsze wykroić sobie resztówkę właśnie z dworem. W ten sposób na mapach białoruskich Wilno znalazło się na zachodnim krańcu roszczeń, na litewskich na wschodnim, a na polskich na północnym krańcu.“

²⁸ См.: Г. Саганович. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мн., 2001. с. 179.

И четвертое: актуальность познания общих черт культуры Великого княжества Литовского от Кретинги в Жемайтии до Могилева и Мстиславля над Днепром:

- с владениями Ходкевичей в Кретинге и Скуодасе, Шклове и Быхове
- с базилианами под Шяуляй и в Пустынках около Мстиславля, где монастырь был основан Семёном Лугвеном Ольгердовичем уже в 1380 г.
- с шляхетскими сеймиками в поветах, с магдебургскими ратушами и еврейскими синагогами от Кедайнай до Шклова, Могилева и Быхова.
- с бернардинцами в Кретинге, Тельшяй и Титувеней, Мстиславле и Могилеве, с иезуитскими коллегиями в Кражяй, Орше и Мстиславле,
- с архитектурой барокко от Титувеней и Шилува до Смалян и костела босых кармелитов в Мстиславле, который строил главный архитектор виленской школы Й. К. Глаубиц.

Может быть, тогда мы увидим Могилёв, Вильнюс и Жемайтию частями одного культурного региона, которые когда-то объединяла цивилизация Великого Княжества Литовского.